

О статье «Я обвиняю» французского писателя Эмиля Золя

«Я обвиняю» — статья французского писателя Эмиля Золя, опубликованная в ежедневной газете «Аврора» (фр. «L'Aurore») 13 января 1898 года. Адресованная президенту Франции Феликсу Форю статья написана в форме открытого письма. В ней писатель говорит о сфабрикованном «деле Дрейфуса», обвиняя суд над Альфредом Дрейфусом в предвзятости и противозаконном заключении его в тюрьму. Не побоявшись подвергнуть риску свое имя, положение и благополучие, Золя обвинил французское правительство в антисемитизме и шовинизме. Через неделю после публикации писатель был обвинен в клевете, а затем и осуждён. Чтобы избежать тюрьмы, Золя бежал в Англию. Он смог вернуться во Францию лишь в июне 1899 года после самоубийства полковника Анри и бегства майора Эстергази, двух главных фигур дела Дрейфуса.

Письмо было напечатано на первой странице газеты и вызвало резонанс как в самой Франции, так и далеко за её пределами. А. П. Чехов дал высокую оценку выступлениям Э. Золя по поводу дела Дрейфуса: «Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим воздухом повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава богу, есть ещё справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться».

Смотрите также:

12 ЯНВАРЯ 1898 ГОДА: "Я ОБВИНЯЮ" ЭМИЛЯ ЗОЛЯ в Библиотеке Якова Кротова: http://krotov.info/yakov/history/19_moi/1898_dreyfus.htm

Золя Эмиль

Я обвиняю (J'accuse)

Нижеследующие строки были помещены в газете «Орор» 13 января 1898 г.

Читатель не знает, что настоящее письмо, как и два предшествующих, вышло первоначально отдельной брошюрой. Однако, когда оттиск уже готовили пустить в продажу, я решил, дабы написанное мною получило более широкую огласку и произвело более разительное впечатление, поместить эти строки в газету. К тому времени, проявив достойные восхищения дух независимости и мужество, редакция «Орор» сделала выбор, и я, вполне естественно, обратился к ней. С той поры, сия газета стала моим верным сторонником, глашатаем свободы и истины, — ее страницы были предоставлены в полное мое распоряжение, за что я питаю к директору «Орор», г-ну Эрнесту Вогану, чувство горячей признательности. После распродажи трехсот тысяч экземпляров газеты и воследовавшим за нею судебным иском брошюры с текстом письма так и остались лежать на складе. Но после совершения задуманного мною шага я почел за благо хранить молчание, ожидая начала судебного разбирательства моего дела и следствий, кои, как я надеялся, оно должно было повлечь за собой.

Господин Президент, позвольте мне в благодарность за любезный прием, однажды оказанный мне Вами, и в сбережение доброй славы, которую Вы заслуженно пользуетесь, сказать Вам, что Вашу звезду, столь счастливую доселе, грозит омрачить позорнейшая, несмываемая скверна. Низкие клеветники тщетно пытались повредить Вам, Вы покорили все сердца. В достославные дни великого всенародного торжества, заключения франко-русского союза, Вы явились, озаренный сиянием славы, и ныне готовитесь возглавить и привести к успешному завершению устроенную у нас Всемирную выставку, которая торжественно увенчает наш век труда, истины и свободы. Но вот Ваше имя — чуть не сказал «правление» — омрачило позорное пятно — постыдное дело Дрейфуса! На днях военный суд, понуждаемый приказом, дерзнул оправдать пресловутого Эстерхази нагло поправ истину и правосудие. Этого нельзя перечеркнуть — отныне на лице Франции горит след позорной пощечины, и в книгу времени будет записано, что сие мерзейшее общественное преступление свершилось в годы Вашего правления.

Но раз посмели они, смею и я. Я скажу правду, ибо обещал сказать ее, ежели правосудие, на рассмотрение коего дело было передано в соответствии с существующим законодательством, не установило бы ее полностью и без изъяна. Мой долг требует, чтобы я высказался, молчание было бы равносильно соучастию, и бессонными ночами меня преследовал бы призрак невинного, искупающего ценою невыразимых страданий преступление, которого не совершал. К Вам, господин Президент, обращаю я слова истины, объятый негодованием, которое переполняет всех честных людей. Ваша порядочность не вызывает во мне сомнений, ибо, по моему убеждению, Вы не знаете правды. Да и пред кем еще изобличить мне злокозненную свору истинных преступников, как не пред Вами, верховным судьей страны?

Скажу прежде всего правду о судебном разбирательстве и осуждении Дрейфуса.

Следствие было затеяно и направлялось подполковником Дюпати де Кламом, в то время простым майором. С начала и до конца дело Дрейфуса связано с сей зловещей личностью, и все в нем станет окончательно ясно лишь тогда, когда беспристрастным дознанием будут определены деяния сего господина и мера его ответственности. В голове этого человека, сдается мне, царил величайшая путаница и бестолковщина, — весь во власти романтических бредней, он тешился избитыми приемами бульварных книжонок: тут и выкраденные бумаги, и анонимные письма, и свидания в безлюдных местах, и таинственные дамы, приносящие под покровом ночи вещественные доказательства. Это ему взбрело в голову продиктовать Дрейфусу пресловутое бордеро; его осенила счастливая мысль наблюдать за обвиняемым, поместив его в комнату, сплошь покрытую зеркалами; его обрисовывает нам комендант Форцинетти в то мгновение, когда, запасшись потайным фонарем, майор потребовал провести его к спящему заключенному, чтобы осветить внезапно лицо узника и уловить приметы нечистой совести в испуге внезапного пробуждения. О прочем не стану говорить — ищите, и все откроется. Я просто заявляю, что майор Дюпати де Клам, коему вменено было как военному юристу произвести следствие по делу Дрейфуса, является, в порядке очередности и по тяжести ответственности главным виновником страшной судебной ошибки.

Уже в течение некоторого времени бордеро находилось в руках полковника Сандера, начальника контрразведки, впоследствии скончавшегося от общего паралича. В отделе происходила «утечка», пропадали бумаги, как пропадают и по сие время, — и покуда разыскивали составителя бордеро, сложилось мало-помалу предвзятое мнение, что сим человеком не мог быть никто иной, как офицер штаба и к тому же артиллерист: две вопиющие ошибки, свидетельствующие о том, насколько поверхностно изучалось бордеро, ибо вдумчивое чтение бумаги приводит к убеждению, что она могла быть составлена лишь пехотным офицером.

Итак, поиски велись внутри ведомства, сличались почерки сотрудников, решено было, так сказать, кончить дело в своем кругу: раз в отделе завелся изменник, его надо было изобличить и выставить вон. И едва подозрение пало на Дрейфуса — я вынужден вновь обратиться здесь к некоторым обстоятельствам отчасти известной истории, — как на сцену выступает майор Дюпати де Клам. Он измышляет преступление Дрейфуса, становится зачинщиком и вдохновителем дознания, берется припереть изменника к стене и вынудить его к полному признанию. Конечно, к сему приложил руку и военный министр генерал Мерсье, человек, но всей видимости, ума заурядного, и начальник штаба генерал де Буадефр, очевидно, поддавшийся своим клерикальным пристрастиям, и помощник начальника штаба генерал Гонз, на многое глядевший сквозь пальцы. Но, по существу, на первых порах заправляет один майор Дюпати де Клам, он увлекает за собой остальных, подчиняет их своей воле какой-то гипнотической силой, — ведь наш майор занимается помимо всего прочего спиритизмом, оккультными науками и беседует с духами. Невозможно описать все испытания, которым он подверг несчастного Дрейфуса, хитроумные западни, в которые надеялся его завлечь, сумасбродные допросы, чудовищные ухищрения — разнообразнейшие уловки, рожденные горячечным воображением мучителя.

О, начало дела вызывает содрогание у всякого, кому известны подлинные его обстоятельства! Майор Дюпати де Клам берет Дрейфуса под стражу, заключает его в одиночную камеру. Затем спешит к г-же Дрейфус и, дабы страхом принудить ее к молчанию, грозит, что, если она обмолвится хоть словом, ее мужу несдобровать. А тем временем несчастный бился в отчаянии, кричал, что невиновен. Так, в полнейшей тайне, с применением множества изощреннейших и жестоких приемов дознания — ни дать ни взять, как в какой-нибудь хронике XV столетия, велось следствие. А ведь обвинение строилось на одной-единственной и вздорной улике — на дурацком препроводительном письме, свидетельстве не только заурядной измены, но и неслыханно наглого мошенничества, если принять во внимание, что почти все пресловутые тайны, выданные врагу, лишены какой бы то ни было ценности. Я делаю на этом упор лишь потому, что такие способы судопроизводства подготовили благоприятную почву для настоящего злодеяния — отказа в правосудии, которое, словно страшный недуг, поразило впоследствии Францию. Мне хочется наглядно показать, как стала возможной судебная ошибка, как ее породили козни майора Дюпати де Клама, как получилось, что генералы Мерсье, де Буадефр и Гонз дались в обман, как с каждым днем усугубляли свою вину упорством в преступной ошибке, которую они впоследствии почли своим долгом выдать за святую правду, не подлежащую даже обсуждению. Таким образом, на первых порах им можно было поставить в упрек обыкновенную беспечность и недомыслие. В

худшем случае можно допустить, что они поддались религиозному фанатизму своей среды и суевериям, порожденным сословным духом, — как бы там ни было, они оказались потворщиками глупости.

Но вот Дрейфус предстал перед военным судом, происходившим, по требованию сверху, в обстановке строжайшей негласности. Если бы изменник открыл врагу границы страны и привел германского императора к подножию собора Парижской богородицы, то и тогда, вероятно, слушание дела не было бы окружено более плотной завесой тайны и молчания. Страна скована ужасом, люди шепотом передают друг другу ужасные вести, идет молва о чудовищной измене, подобной тем изменам, которые возбуждают негодование многих поколений. Разумеется, народ Франции готов приветствовать любой приговор, самая суровая кара будет слишком мягкой для предателя! Французы единодушно одобряют гражданскую казнь и потребуют, чтобы осужденный до конца дней своих томился на морской скале, терзаемый позором и укорами совести. Неужто в самом деле есть нечто такое, о чем страшно молвить, нечто крайне опасное, некие обстоятельства, чреватые военным пожаром в Европе, которые нужда потребовала похоронить за закрытыми дверями судебного процесса?

Ничего подобного! Сии ужасные откровения суть не более как бредовые домыслы и фантазии майора Дюпати де Клама. Весь этот ворох небылиц был сочинен затем лишь, чтобы скрыть нелепейший из бульварных романов. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить обвинительное заключение, оглашенное на суде. Оно же построено буквально на пустом месте! Осудить человека на основании подобного заключения — поистине верх беззакония. Нет ни одного порядочного человека, который не испытал бы, читая сей документ, возмущения и гнева при мысли о непомерно тяжком наказании, постигшем узника Чертова острова. Дрейфус знает несколько языков? Преступление. У него не было найдено никаких компрометирующих бумаг? Преступление. Он трудолюбив и любознателен? Преступление. Он держится спокойно? Преступление. А наивность формулировок, полнейшая бездоказательность доводов! Толковали о четырнадцати главных пунктах обвинения, а на поверку все они сводятся к одному-единственному — злополучному бордеро. Более того, оказывается, что графологи не пришли к единому мнению, что на одного из них, г-на Гобера, начальственно прикрикнули, потому что он дерзнул проявить несогласие с точкой зрения, которую ему пытались навязать. Говорилось также, что на суде против Дрейфуса показывали двадцать три офицера. Пока нам неизвестны протоколы допроса, но совершенно очевидно, что все эти офицеры не могли выступить против обвиняемого; надобно, кроме того, заметить, что все свидетели без исключения служат по Военному ведомству; таким образом, дело решалось по-семейному, в узком кругу сослуживцев, и об этом не следует забывать. Штабное начальство учинило следствие, штабное начальство устроило первый, а совсем недавно и второй суд.

Итак, все упиралось в пресловутое бордеро, относительно коего графологи не вынесли единого мнения. Рассказывают, что в совещательной комнате судьи склонялись уже к оправдательному приговору, ибо иначе поступить они не могли. Понятно теперь, отчего с таким ожесточенным упорством, пытаясь оправдать обвинительный приговор, нам твердят ныне о существовании некоей тайной и важной бумаги, уличающей осужденного, бумаги, которую невозможно даже представить на всеобщее обозрение, которая всему дает законное основание, — улика, пред коей мы должны умолкнуть, словно пред незримым, неисповедимым божеством! Нет, я со всей решительностью заявляю, что такой улики нет и никогда не было! Какая-нибудь

дурацкая бумажонка, это я еще допускаю, — записочка, где упоминаются женщины сомнительного благонравия и некий господин Д., ставший чересчур требовательным: вероятнее всего, муженек, решивший, что слишком дешево запросил за свою супругу. Но говорить о документе, имеющем касательство к обороне страны, вынесение коего на суд повлекло бы за собой объявление войны уже на следующий день... Нет и еще раз нет! Это ложь. Ложь тем более гнусная и наглая, что виновные остаются безнаказанными и нет никакой возможности уличить их. Они бьют в набат, пользуются как щитом вполне понятным беспокойством народа, принуждают французов к молчанию, смущая их души и одурманивая клеветой. Я не знаю более тяжкого гражданского преступления.

Итак, я изложил Вам, господин Президент, обстоятельства, объясняющие, каким образом совершилась судебная ошибка. Доводы нравственного порядка, достаток Дрейфуса, отсутствие веских оснований для осуждения, непрестанные заявления узника о своей невинности окончательно убеждают в том, что несчастный пал жертвой не в меру пылкого воображения майора Дюпати де Клама, пропитанной духом клерикализма среды, окружавшей его, и травли «грязных евреев», позорящей наш век.

Теперь настала пора поведать о деле Эстерхази. Минуло уже три года, но многие честные люди по-прежнему пребывают в глубокой тревоге, потеряв покой, настойчиво ищут и наконец убеждаются в невинности Дрейфуса.

Я не стану рассказывать о том, как у г-на Шерера-Кестнера возникли сомнения, как эти сомнения постепенно перешли в уверенность. Пока он добирался до истины, важные события происходили в самом штабе: полковник Сандер умер, и должность начальника контрразведки занял подполковник Пикар. И вот однажды при исполнении Пикаром обязанностей, налагаемых новой должностью, в его руки попала телеграмма, отправленная на имя майора Эстерхази агентом одной иностранной державы. Долг требовал от Пикара незамедлительно нарядить расследование. Можно сказать со всей определенностью, что подполковник Пикар никогда не действовал поверх головы своих начальников. Он поведал им о своих подозрениях по инстанции, сначала генералу Гонзу, затем генералу де Буадефру и, наконец, генералу Бийо, сменившему генерала Мерсье на посту военного министра. Вызвавшее столько толков досье Пикара никогда не было ничем иным, как досье Бийо, я хочу сказать, что речь идет о досье, подготовленном подчиненным для министра, которое и по сей день должно находиться в архиве военного ведомства. Следствие велось с мая по сентябрь 1896 года, и, надо сказать прямо, генерал Гонз был убежден в виновности Эстерхази, а генералы де Буадефр и Бийо не сомневались в том, что бордеро написано его рукою. Именно к сему неоспоримому выводу привело дознание Пикара. Ведомство было охвачено смятением, ибо осуждение Эстерхази неизбежно влекло за собой пересмотр решения по делу Дрейфуса, но как раз этого штаб не хотел допустить, чего бы то ни стоило.

Можно вообразить, какая мучительная нерешимость овладела на миг генералом Бийо. Свежий человек в Военном ведомстве, он ничем не был связан и мог свершить правосудие. Но он не посмел, вероятно, опасаясь общественного возмущения, а также, видимо, из страха выдать всю штабную братию, генерала де Буадефра, генерала Гонза, не считая их подчиненных. Это был в то же время краткий миг борьбы между его совестью и тем, в чем

заклучалось, как он полагал, служение интересам армии. И когда мгновение прошло, зло свершилось: генерал Бийо погрешил против совести, вступил в нечистую игру. С того дня он отягощал свою вину все новыми злоупотреблениями, покрывал своим именем преступные деяния подчиненных. На нем лежит такая же вина, как и на прочих, нет, он несет еще большую ответственность, потому что был волен отправить правосудие и не свершил его. Разум отказывается верить! Вот уже год, как генерал Бийо, генералы де Буадефр и Гонз знают, что Дрейфус невиновен, и хранят сию страшную тайну! И они спокойно спят, и у них есть жены и любимые дети!

Подполковник Пикар исполнил долг честного человека: во имя правосудия он настоятельно ходатайствовал перед начальниками, даже умолял их, указывал им на всю безрассудность проволочек, ибо тучи сгущались и гроза неминуемо должна была грянуть, когда бы правда вышла наружу. Позднее о том же предупреждал генерала Бийо г-н Шерер-Кестнер, взывая к его патриотическим чувствам и заклиная взять дело в свои руки, дабы предотвратить пагубные его последствия, грозившие обернуться общественным бедствием. Но нет! Злодейство совершилось, штаб не мог теперь сознаться в своих преступных кознях. И вот подполковника Пикара отправляют со служебным поручением, отсылают все дальше и дальше, пока он не очутился в Тунисе, где однажды, воздав должное его отваге, его направляют на дело, которое вполне могло стоить ему жизни, в те самые места, где сложил голову маркиз де Морес. То не была опала, генерал Гонз поддерживал с подполковником дружескую переписку. Просто бывают такие тайны, в которые лучше не проникать.

А в Париже тем временем истина неуклонно прокладывает себе дорогу. Всем известно, как разразилась долгожданная гроза. В тот день, когда г-н Шерер-Кестнер готовился вручить хранителю печати прошение о пересмотре дела, г-н Матье Дрейфус изобличил майора Эстерхази как истинного автора бордеро. Так на сцене появляется майор Эстерхази. Очевидцы рассказывают, что в первую минуту он совершенно потерял голову, готов был наложить на себя руки или бежать. И вдруг он начинает держать себя с вызывающей самоуверенностью, поражает весь Париж наглостью поведки и речей. Что же случилось? А случилось то, что ему пришли на выручку: им получено было письмо без подписи, в коем его уведомляли о намерениях его врагов, а некая таинственная дама взяла на себя труд доставить ему среди ночи бумагу, выкраденную в штабе, которая должна была спасти его. И вновь я без труда угадываю руку подполковника Дюпати де Клама, изощренную изобретательность его гораздого на выдумки воображения. Дело его рук — мнимая виновность Дрейфуса — оказалось под угрозой, и он, несомненно, решил любой ценой спасти свое детище. Еще бы! Ведь пересмотр дела означал бы крушение столь причудливого и печального романа, ужасная развязка которого разыгрывается ныне на Чертовом острове! Но именно этого он и не мог допустить. И вот подполковник Пикар и подполковник Дюпати де Клам вступают в единоборство, один с поднятым забралом, другой — пряча лицо. В скорейшем времени мы увидим их обоих перед гражданским судом. По сути дела, защищается все тот же штаб, не желающий признать свою вину, час от часу все более погрязающий в подлости.

Потрясенные граждане задавали себе вопрос: кто же они, те люди, которые покрывали майора Эстерхази? Прежде всего подполковник Дюпати де Клам, неизменно держащийся в тени, — он все подстроил, всем заправлял. Его с головой выдают нелепые хитросплетения, о коих шла речь выше. Во-вторых, генерал де Буадефр, генерал Гонз и сам генерал Бийо, которые вынуждены добиваться оправдания майора, ибо, признав невиновность

Дрейфуса, они не преминут навлечь всеобщее презрение на Военное ведомство. И вот вам дикая нелепость сложившегося положения: подполковник, единственный честный человек в этой среде, единственный, кто исполнил свой долг, пал жертвой лицедеев, принял поношение и неправоное взыскание. О, правосудие! Глухое отчаяние теснит мою грудь. Дошло до того, что злодеи обвиняют его в подлоге, в том, что он якобы сам сочинил телеграмму, чтобы погубить Эстерхази. Великий боже! Зачем? С какой стати? Назовите хоть какую-нибудь побудительную причину. Может быть, и он запродался евреям? Но вся соль в том, что подполковник Пикар был антисемитом. Да, мы стали свидетелями гнусного лицедейства, когда людей, погрязших в долгах и зле, выставляют невинными агнцами и поносят человека безупречной жизни, живое воплощение порядочности! Когда общество скатывается на столь низкую ступень падения, оно начинает разлагаться.

Итак, господин Президент, я представил Вам дело Эстерхази таким, каково оно есть. Речь идет о преступнике, для которого заведомо решили добиться оправдания. Вот уже в течение двух месяцев мы час за часом следим за сей отвратительной возней. Я передал Вам обстоятельства дела вкратце, здесь, в сущности, просто сжатое изложение событий, о которых когда-нибудь расскажут жгучие строки повести, где ничто не будет упущено. Мы видели уже, как генерал де Пелье, а вслед за ним майор Равари произвели злодейское дознание, в исходе коего подлецы предстали достойнейшими мужами, а честные люди — мерзавцами. Засим собрался военный суд.

Разумно ли было надеяться, что военный суд упразднит решение, вынесенное другим военным судом?

Здесь можно даже пренебречь всегда возможными подтасовками в составе судей. Не исключает ли надежду на справедливый приговор уже одна слепая покорность дисциплине, вошедшая в плоть и кровь военнослужащих? Говоря «дисциплина», мы разумеем «повиновение». Раз уж военный министр, владыка живота их, во всеуслышание объявил о непререкаемости приговора, возможно ль, чтобы военный суд посмел отменить его? С точки зрения воинской субординации это вещь немыслимая. Заявление генерала Бийо произвело на судей действие завораживающее, и они судили обвиняемого, не рассуждая, как солдаты идут в сражение. Совершенно очевидно, что, занимая свои кресла в зале суда, они были в плену предвзятого мнения: «Дрейфус был осужден за измену военным судом, следовательно, он виновен, и мы, военные судьи, не можем оправдать его; с другой стороны, мы знаем, что признать Эстерхази виновным значило бы оправдать Дрейфуса». Никакая сила не могла бы выбить их из этого круга мыслей.

Они вынесли неправый приговор, навлекший вечный позор на военные суды, любое решение коих будет отныне встречаться с подозрением. Если допустить, что в первый раз судьи оказались бестолковыми, то во второй раз преступный умысел не оставляет никаких сомнений. Вину их смягчает лишь то обстоятельство, что высшее начальство объявило приговор суда не подлежащим обсуждению, божественным откровением, пред коим должны умолкнуть человеки. Как же могли подчиненные противиться верховной воле? Нам толкуют о чести войска, хотят, чтобы его любили и чтили. Разумеется, если речь идет о воинстве, которое при первой опасности возьмется за оружие, защитит французскую землю от врага — сие воинство есть весь народ наш, и мы не питаем к нему чувств иных, чем любовь и почитание. Но имеют в виду не сие воинство, о чести коего мы печемся, стремясь к торжеству

правосудия. Радеют о золотопогонниках, в чью власть мы попадем, быть может, завтра. Другими словами, нам предлагают благоговейно лобзать эфес шашки? Не бывать тому!

Я уже показал, что дело Дрейфуса стало внутренним делом Военного ведомства, поелику штабной офицер был объявлен изменником своими сослуживцами из штаба и осужден по настоянию высших чинов штаба. Повторяю вновь, что его оправдание и возвращение из ссылки означает признание вины штабного начальства. Вот почему Военное ведомство пустилось во все тяжкие, поднимая газетную шумиху, печатая ложные сообщения, пользуясь связями и влиянием, чтобы выгородить Эстерхази и тем самым вторично погубить Дрейфуса. Да, республиканскому правительству следовало бы устроить изрядную чистку в сем иезуитском приюте, как называет службы Военного ведомства сам генерал Бийо! Где же он, тот сильный, наделенный чувством разумного патриотизма кабинет министров, который найдет в себе смелость все там перестроить и обновить? Сколь многих из известных мне французов приводит в трепет мысль о возможной вой не, потому что они знают, какие люди ведают обороной страны! В какой притон низких склочников, сплетников и мотов превратилась сия святая обитель, где вершится судьба Отчизны! Ужас объял моих сограждан, когда дело Дрейфуса, «грязного еврея», принесенного в жертву страдальца, открыло им страшное чрево. Какая бездна полоумных затей, глупости и бредовых выдумок! Низкопробные полицейские приемы, ухватки инквизиторов и притеснителей, самоуправство горстки чинов, нагло попирающих сапожищами волю народа, кощунственно и лживо ссылающихся на высшие интересы государства, дабы заставить умолкнуть голоса, требующие истины и правосудия!

Они совершили злодеяние и тогда, когда прибегли к услугам продажных газет, когда позволили защищать себя всякому парижскому отребью. И вот ныне отребье нагло торжествует, а правосудие бездействует и безмолвствует самая обыкновенная порядочность. Они совершили злодеяние, когда обвинили в намерении смутить совесть народа тех, кто жаждет возрождения Франции благородной, шествующей во главе свободных и справедливых народов, а сами тем временем вступили в гнусный сговор, дабы упорствовать в пагубной ошибке на глазах всего человечества. Они совершают злодеяние, отравляя общественное мнение, толкая на черное дело народ, который довели ложью до иступления. Они совершают злодеяние, когда одурманивают сознание простого люда и бедноты, потворствуют мракобесию и нетерпимости, пользуясь разгулом отвратительного антисемитизма, который погубит великую просвещенную Францию — родину «Прав человека», если она не положит ему конец. Они совершают злодеяние, играя на патриотических чувствах ради разжигания ненависти, они совершают, наконец, злодеяние, превращая военщину в современного идола, в то время как все лучшие умы трудятся ради скорейшего торжества истины и правосудия.

Великая скорбь сокрушает сердца наши, когда мы зрим эту истину и это правосудие, столь страстно призываемые нами, извращенными, погранными и оскверненными! Какое потрясение испытал, надо думать, г-н Шерер-Кестнер, и мне кажется, он неминуемо станет угрызаться, что не проявил должной решимости в тот день, когда делал запрос в сенате, не высказал всю правду до конца, не вырвал зло с корнем. Г-н Шерер-Кестнер, благородная личность, честнейший, порядочнейший человек, полагал, что истина не нуждается в доказательствах, тем более что она представлялась ему очевидной, как свет дня. Стоит ли все рубить под корень, раз и без того солнце скоро воссияет? За свою простодушную веру он и поплатился столь жестоко. То же случилось с подполковником Пикаром, который из чувства благородной порядочности не пожелал предать огласке письма генерала Гонза. Сия

щепетильность тем более делает ему честь, что в то время как он беспрекословно подчинялся воинской дисциплине, вышестоящие офицеры позволяли обливать его грязью и совершенно неожиданно сами повели против него в высшей степени оскорбительное следствие. Пред нами две жертвы, две чистые, доверчивые души, которые положились на Бога, а дьявол тем временем не сидел сложа руки. Более того, над подполковником Пикаром сотворили неслыханное беззаконие: французский суд сначала позволил публично напасть на свидетеля и обвинить его во всех смертных грехах, а затем, когда этот свидетель явился, дабы представить объяснения и защитить свою честь, назначил закрытое слушание. Я заявляю, что сие есть также злодеяние и что упомянутое беззаконие возбудит всеобщее возмущение. Положительно, военный суд имеет весьма странное представление о правосудии. Такова правда в ее неприкрашенном виде, господин Президент, и правда сия воистину ужасна, она бросает мрачную тень на годы Вашего пребывания во главе государства. Я догадываюсь, что не в Ваших силах было повлиять на ход дела, что Ваши руки были связаны конституцией и окружающими Вас людьми. И тем не менее человеческий долг требует Вашего вмешательства, долг, о котором Вы вспомните и который не преминете исполнить. Это отнюдь не значит, будто я хотя бы на миг усомнился в победе правого дела. Я вновь повторяю то, во что верую пламенно: истина шествует и никакие препоны не в силах остановить ее. Лишь теперь начинается настоящее дело Дрейфуса, ибо лишь теперь обозначились окончательно позиции противоборствующих сил: с одной стороны, злодеи, всеми неправдами стремящиеся похоронить истину, с другой стороны — правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосудия. И я вновь повторяю то, о чем говорил уже ранее: когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся. Преступники убедятся сами, что своими руками уготовали себе сокрушительное поражение. Однако письмо мое вышло длинным, господин Президент, пора его кончать.

Я обвиняю подполковника Дюпати де Клама в том, что он совершил тяжкий проступок, допустив — хочется верить, по неведению — судебную ошибку, и в течение трех лет упорствовал в сем пагубном заблуждении, пускаясь на самые нелепые и преступные ухищрения.

Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он явился, в лучшем случае по слабости рассудка, пособником одного из величайших беззаконий нашего столетия.

Я обвиняю генерала Бийо в том, что он, располагая бесспорными доказательствами невиновности Дрейфуса, сокрыл их и нанес тем самым злостный ущерб обществу и правосудию, побуждаемый к тому политическими соображениями и помышляя спасти скомпрометировавшее себя верховное командование.

Я обвиняю генерала де Буадефра и генерала Гонза в том, что они стали соумышленниками того же преступления, один, несомненно, в силу своей приверженности церкви, другой — подчиняясь закону круговой поруки, благодаря которому Военное ведомство превратилось в непорочную, неприкасаемую святыню.

Я обвиняю генерала де Пелье и майора Равари в том, что они произвели злонамеренное расследование, т. е. расследование, проникнутое духом возмутительного пристрастия, непревзойденным по бесхитростной дерзости шедевром коего является заключение упомянутого майора Равари.

Я обвиняю трех экспертов-графологов, съёров Бельома, Варикара и Куара в том, что оные составили лживое и мошенническое заключение, если только врачебным освидетельствованием не будет установлено, что они страдают изъёмом зрения и умственной неполноценностью.

Я обвиняю Военное ведомство в том, что оно вело на страницах газет, особенно таких, как «Эклер» и «Эко де Пари», грязную кампанию, направленную на то, чтобы ввести в заблуждение общественность и отвлечь внимание от преступной деятельности упомянутого ведомства.

Я обвиняю, наконец, военный суд первого созыва в том, что он нарушил закон, осудив обвиняемого на основании утаенной улики, и военный суд второго созыва в том, что он по приказу сверху покрыл оное беззаконие и умышленно оправдал заведомо виновного человека, нарушив, в свою очередь, правовые установления.

Выдвигая перечисленные обвинения, я отлично понимаю, что мне грозит применение статей 30 и 31 Уложения о печати от 29 июля 1881 года, предусматривающего судебное преследование за распространение лжи и клеветы. Я сознательно отдаю себя в руки правосудия.

Что же касается людей, против коих направлены мои обвинения, я не знаком с ними, никогда их не видел и не питаю лично к ним никакого недоброго чувства либо ненависти. Для меня они всего лишь обобщенные понятия, воплощения общественного зла. И шаг, который я предпринял, поместив в газете это письмо, есть просто крайняя мера, долженствующая ускорить торжество истины и правосудия.

Правды — вот все, чего я жажду страстно ради человечества, столько страдавшего и заслужившего право на счастье. Негодующие строки моего послания — вопль души моей. Пусть же дерзнут вызвать меня в суд присяжных, и пусть разбирательство состоится при широко открытых дверях!

Я жду.

Соблаговолите принять, господин Президент, уверения в совершенном моем почтении.

Источник:

Золя Э. Я обвиняю: Письмо господину Феликсу Форю президенту республики / Эмиль Золя // Собрание сочинений в 26-ти т. Т.26. — М., 1967. С.216 — 232.